

И. М. Колегаева

Украина, Одесса, ОНУ им. И. Мечникова

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОСПРОИЗВОДИМОГО ДИСКУРСА КАК
СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ФИЛОЛОГА**

Среди наиболее востребованных аспектов подготовки преподавателей-филологов в настоящее время всё чаще упоминается принцип интеграции различных подходов к формированию практических навыков культурно- коммуникативного характера [1; 2]. В курсах стилистики и теории коммуникации данный принцип может быть реализован на примере комплексного анализа *воспроизводимого дискурса в художественной и нехудожественной коммуникации*, предполагающего обращение к феномену коммуникативной вторичности. Суть последнего заключается в изображении, воспроизведении в сообщении (вербальном или иконическом) некоего референта, называемого нами *протосообщением* на

основании его знаковой природы и предшествующего (реального или фиктивного) функционирования в коммуникативном пространстве. К протосообщениям относятся цитируемые тексты, речь персонажей, воспроизводимые невербальные сообщения. Подробнее о вторичной коммуникации см.: [3; 4; 5; 6]. Изучение *воспроизводимого дискурса* обладает уникальным интеграционным потенциалом - оно позволяет организовать обучение таким образом, чтобы задействовать межпредметные и межаспектные связи, и способствует формированию коммуникативной компетентности студента-филолога. Остановимся подробнее на характеристиках нашего объекта исследования. На занятиях, посвященных проблеме *воспроизводимого дискурса в художественной и нехудожественной коммуникации*, объектом изучения в частности выступает законоситель протосообщения и особенности его упоминания, описания, воспроизведения в коммуникативно вторичном сообщении. В аудитории студентам даётся определение понятия «законоситель»: некий материальный объект (субстрат), на (в) котором зафиксировано закодированное сообщение. Законосителем графического (вербального и иконического) сообщения может быть бумага, папирус, камень, доска, холст, монитор компьютера и т. д. Устное вербальное сообщение фиксируется звуковыми волнами, т. е. колебаниями воздушного потока, который и выступает в функции законосителя.

Коммуникативно вторичное воспроизведение законосителя протосообщения в художественной вербальной коммуникации в значительной степени зависит от доминирующего в ней эстетического, в частности, жанрового канона (реалистическая, научно-фантастическая, приключенческая литература), выяснение характеристик которого в аудиторной практике должно предшествовать непосредственно анализу текста. Воспроизведение письменного протосообщения в

реалистическом ключе ограничивается либо упоминанием закононосителя как такового, либо его описанием: «пожелтевшие страницы дневника», «пахнущие краской газетные листы» и т. д. Канон научно-фантастической литературной коммуникации предполагает детальное описание экзотических, необычных закононосителей, например, люминисцентно горящие сообщения, висящие просто в воздухе; бумажная газета со стереоскопическими фотографиями, страницы которой перелистываются сами, стоит только читателю коснуться нижнего правого уголка газеты и т. п. В свою очередь приключенческая, детективная литература очень часто имитирует воспроизведение, включение в свой текст не только протосообщения, но и его закононосителя, например, изображение обгоревшего клочка бумаги с фрагментом важной для сюжета записки; полуразмытый (с пропусками) текст послания, извлечённого из бутылки, выловленной в море; найденная карта с непонятными пометками на ней, края карты обтрепались от времени и т. п. Следует оговорить тот момент, что воспроизведение в письменной коммуникации устного дискурса, естественно, исключает возможность изображения закононосителя протосообщения и предполагает только его упоминание или описание, например, «в морозном: воздухе звонким залпом прозвучала команда «Стой!». Научно-фантастический канон акцентирует экзотичность, необычность изображаемого мира. В этом случае необычным может быть и закононоситель устного протосообщения: к примеру, изображённая персонажная речь «звучит» в необычном высотном (частотном) диапазоне (мужские голоса похожи на голоса мультяшных героев) потому, что действие разворачивается в батискафе, наполненном воздухом с высокой концентрацией гелия в нём. Как объясняет автор, такой состав воздуха изменяет длину звуковой волны. Воображению читателя предлагается

деталь, усиливающая эффект остроты изображенного мира научной фантастики.

Изучение и интерпретация воспроизводимого дискурса могут быть использованы на занятиях по аналитическому чтению нехудожественных текстов. Нехудожественная коммуникация чрезвычайно вариативна в плане воспроизведения дискурса, имевшего место ранее. Научная и официально-деловая коммуникация стремится к точности, \ даже скрупулёзности воспроизведения протосообщений, чаще всего это цитаты. Сигналами такой скрупулёзности выступают, например, маркировка купюр цитируемого текста с помощью <...>, а также обязательный вербальный комментарий шрифтовых изменений в тексте цитаты, например, «(выделено нами - инициалы автора цитирующего текста)». При этом законодатель воспроизводимого протосообщения остаётся полностью за рамками внимания. Ни его упоминание, ни тем более описание, не говоря уже о воспроизведении, невозможно встретить в рамках научной или официально-деловой письменной или устной коммуникации. Устное воспроизведение цитаты маркируется вводной репликой «по словам X» или «как утверждает Y» и, как правило, эксплицирует границы протосообщения. Слова «цитирую» и «конец цитаты» рамочно ограничивают коммуникативно вторичное сообщение и помогают слушателю ориентироваться в переплетении разных голосов (адресантов сообщений) в монологическом устном нехудожественном дискурсе.

Особый случай представляет собой вторичная коммуникация в сфере публицистики и рекламы, изучение которой также может быть задействовано на практических занятиях .1 по стилистике и теории коммуникации. Так, например, журнал «Корреспондент» в номере за 20 февраля 2010 года предлагает обзор мировой прессы о результатах выборов президента Украины: на развороте двух страниц помещены цитаты из выпусков за 5, 7, 8 февраля 2010 г. «Комсомольской правды», «Ведомостей», «The Guardian», «The Wall Street Journal» и др. Каждая цитата расположена под узнаваемым

логотипом соответствующего издания. Фоном этих сообщений выступает не традиционное гладкое белое поле, но сероватого цвета «смятая бумага». Страницы журнала имитируют газетный лист, который уже побывал в руках у предыдущего читателя. Коммуникативная вторичность цитируемых протосообщений поддержана «воспроизведением» обобщённого закононосителя. Коммуникативно компетентный читатель улавливает имплицитный сигнал воспроизводимости сообщения, к традиционным маркерам цитатности (кавычки, указание источника) добавлен нетрадиционный маркер (изображение закононосителя протосообщения). Прагматический потенциал сообщения увеличивается.

Щитовая реклама на улицах (т. н. биг-борды) нередко эксплуатирует приём коммуникативной вторичности, при этом воспроизведению закононосителя протосообщения (вербального или иконического) принадлежит важная роль. В Одессе продолжительное время на щитах была вывешена социальная реклама со слоганом «Одесса — мой город». Изобразительный ряд при этом содержал различные виды Одессы, которые были как бы приклеены к поверхности щита, либо это были фотографии в старомодном фотоальбоме с прорезями, в которые вставлены снимки. На других щитах изображалась девушка-художница, сидящая (спиной к зрителю) перед мольбертом и рисующая знаменитую Одесскую коллонаду или Потёмкинскую лестницу. В любом случае воспроизведение закононосителя иконического протосообщения акцентирует его вторичность, его предсуществование. Такой приём даёт возможность ввести человеческий фактор в итоговое сообщение. Визуальными средствами зрителю биг-борда идёт послание: кто-то приклеил эту фотографию, кто-то вставил в альбом эту открытку, кто-то рисует виды города. Очевидно, что этот

«кто-то» любит Одессу. Зрителю предлагают ассоциировать себя с таким человеком.

Биг-борды с торговой рекламой также предлагают интересный материал для наблюдения над функционированием нехудожественной коммуникации. К примеру, торговая реклама о сезонных скидках на товары в сети магазинов бытовой техники. Рядом с текстом о скидках, с портретом улыбающейся девушки и логотипом торговой сети изображён листок бумаги с адресами и номерами телефонов магазинов, при этом листок выглядит, как расклеиваемые по городу частные объявления: он «приклеен» не очень аккуратно, на нём «отрывные полосочки» с информацией. Изображение подобного «наивного» законносителя придаёт всему рекламному сообщению соответствующую тональность, переводя общение рекламиста и его читательско-зрительской аудитории в дружеско-неформальный регистр.

Изучение воспроизводимого дискурса в курсе стилистики может быть апробировано на практических занятиях с помощью комплекса упражнений, построенных на основе аудиотекстов (интервью, отрывков из радиопередач, бесед в комплексе видео и аудиорядов), художественных и публицистических текстов разных жанров, иллюстративных опор (картин, фотографий, серий рисунков) и т. п. Подводя итог высказанным наблюдениям, отметим, что как художественной, так и нехудожественной коммуникации свойственно воспроизводить предшествующий дискурс, который называем протокоммуникацией, а его знаковый продукт — протосообщением и уточним, что протосообщение может быть реальным или вымышленным. Данный феномен предлагает широкое поле для лингвометодических исследований и даёт возможности интегративного ситуативно-направленного обучения студентов-филологов.

Литература

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. - М.: АРКТИ, 2004. - 192 с.

2. Карпов А. С. Психолого-методические проблемы в подготовке будущих учителей // Иностранные языки в школе. - 1997. - № 3. С. 62 - 67.

3. Колегаєва І. М. Зображення персонажного дискурсу як жанрово детермінований вияв комунікативної вторинності в художньому тексті // Вісник Харківського національного університету. - № 896. - Харків: ХНУ, 2010. - С. 102 - 107.

4. Колегаєва І. М. Нарис про комунікативну вторинність // Записки з романо-германської філології. - № 13. - Одеса: Латстар, 2003. - С. 85 - 96.